

Сергей Патрушев

**Диванный
эксперт. Гуру
отношений**

Сергей Патрушев
**Диванный эксперт.
Гуру отношений**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Диванный эксперт. Гуру отношений / С. Патрушев — «Автор», 2026

Вы держите в руках не просто книгу, а учебник жизни для мужчины, заблудившегося в лабиринте матриархальных иллюзий. Её автор — Сергей Викторович, тридцатилетний холостяк, философ и мыслитель, известный в узких кругах как Диванный Эксперт. Он никогда не был в серьёзных отношениях, женщины не видели в нём мужчину, но именно это, по его мнению, делает его взгляд кристально чистым и незамутнённым лишними эмоциями. На страницах этой книги изложено семнадцать глав — семнадцать столпов мужской независимости. От «Зеркалки», разоблачающей женскую финансовую логику, до «Принципа Борща», безжалостно отсеивающей непригодных к семейной жизни спутниц. Вы узнаете, почему чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей, как превратить обычный диван в трон вселенской энергии и почему чёрные очки и пиджак способны заменить годы психотерапии.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Диванный эксперт. Гуру отношений

Глава первая: Азы теории или Почему они ничего не понимают

Знаете, в чём главная проблема современных отношений? В том, что никто не хочет слушать. Вот я сижу в своей холостяцкой берлоге, попиваю разливное пиво из ближайшего магазина, смотрю очередной сериал, где красивые люди изображают страсть, и понимаю — всё пропало. Пропало понимание истинной мужественности. Женщины разучились ценить настоящих мужчин, а мужики разучились ими быть. И я, Сергей Викторович, тридцати лет от роду, считаю своим долгом донести эту простую истину до заблудших душ. Да, у меня нет опыта длительных отношений. Да, последнее свидание было... а неважно когда. Но это не делает мою теорию менее верной. Напротив, позиция стороннего наблюдателя, незамутнённого лишними эмоциями, самая чистая. Я как учёный, изучающий приматов в дикой природе, только вместо бинокля у меня монитор, а вместо саванны — социальные сети и редкие вылазки в магазин за хлебом.

Каждый вечер я собираю друзей в голосовом чате. Это мой ритуал, моя кафедра, моя академия. Приходят разные: кто-то после ссоры с женой, кто-то после очередного неудачного свидания, кто-то просто выпить виртуально. И все они, как замороженные, слушают мои лекции. Потому что я говорю правду. Неудобную, горькую, но правду. Я объясняю им, что бабы — это самый сложный биологический механизм, работающий на противоречиях. Им нужен сильный самец, но чтобы при этом он был нежным. Им нужен добытчик, но чтобы он проводил с ними время. Им нужен защитник, но чтобы он уважал их личные границы. Это же шизофрения какая-то. А мужики ведутся, пытаются подстроиться, теряют себя. А потеряв себя, они теряют и женщину. Замкнутый круг, из которого есть только один выход: слушать меня.

Вот взять, к примеру, моего приятеля Димку. Типичный подкаблучник в становлении. Приходит вчера в чат и жалуется: "Серёг, я ей цветы подарил, в ресторан сводил, весь вечер о её работе слушал, а она меня до дома не пригласила". Ну как тут не рассмеяться в голос? Я ему сразу всё по полочкам разложил. Ты, говорю, Дмитрий, совершил все возможные ошибки. Во-первых, цветы. Букет на первом свидании — это не романтичный жест, это заявление о своих намерениях. Ты как бы говоришь ей: "Я в тебе отчаянно нуждаюсь и готов платить за внимание". А кому нужен нуждающийся? Правильно, никому. Женщина на подсознательном уровне хочет того, кто самодостаточен. Того, кто и без неё прекрасно обойдётся, но выберет её. Цветы — это аванс, а авансы раздают только тем, в ком не уверены. Я всегда говорю: пришёл на свидание с пустыми руками — показал уверенность. В крайнем случае, можно сорвать ромашку на газоне, но это уже высший пилотаж, демонстрация спонтанности и близости к природе, к корням. Но не этот ваш веник за три тысячи.

Во-вторых, ресторан. Это вообще классическая ловушка для новичков. Ты ведёшь её в место, где она инстинктивно оценивает твой достаток. Ты сам кладёшь голову на плаху. Она смотрит не на тебя, а на цены в меню, на то, как ты общаешься с официантом, сколько оставишь чаевых. Это не свидание, это собеседование на должность спонсора. Настоящий мужчина поведёт женщину туда, где он сам чувствует себя комфортно. В парк, например. Или на набережную. Скамеечка, семечки, бутылочка пива на двоих (но она пусть своё покупает, равноправие же). В такой обстановке сразу видно человека: если ей скучно без мишленовской звезды, то зачем она тебе? У меня была однажды ситуация, я пригласил девушку просто погу-

лять, и пока мы шли мимо ларьков, я ей так красочно описал вкус шаурмы из того вон ларька, что она, кажется, поняла — перед ней знаток жизни, а не просто транжира. Правда, она через полчаса сказала, что ей срочно нужно домой, коту покормить, но это она просто испугалась своих чувств. Явно.

В-третьих, Димка совершил фатальную ошибку: он её слушал. Всё свидание, целый вечер он впитывал её жалобы на коллег, на начальника, на подруг. Он думал, что проявляет эмпатию, заботу. Идиот. Он просто стал для неё бесплатной жилеткой, психотерапевтом на выезде. Женщины не спят с жилетками. Женщины спят с теми, кто их интригует. А интригует тот, кто сам интересен. Поэтому моё золотое правило: на свидании говоришь ты. О себе, о своих увлечениях, о марках пива, о тонкостях прокачки персонажа в Ведьмаке. Пусть она знает, с какой глубиной личности имеет дело. Если она попытается вставить слово о своём "дурацком начальнике", надо перебить и рассказать о своём дурацком начальнике, только в два раза интереснее. Вот у меня начальник в охране — просто клоун. Я ей рассказывал, как он график составляет, это же цирк! Она должна понять, что твоя жизнь насыщена, и ты, так уж и быть, позволяешь ей немного в ней поучаствовать.

Многие спрашивают меня: "Серёга, ну а сам-то ты? Где твоя женщина, раз ты такой умный?" И я отвечаю прямо, глядя в глаза своей веб-камере. В том-то и дело, что я слишком умён. Я перерос этот уровень. Я нахожусь в постоянном поиске той, которая сможет соответствовать моей планке, но пока попадают лишь те, кто не дотягивает. Последний случай был буквально месяц назад. Познакомился в приложении. Всё чётко, по методичке. На аватарке у меня фото, где я на фоне гаража, в позе мыслителя, только вместо кулака под подбородком — чебурек. Сразу показывает: парень философского склада ума, но не без практической жилки. Начал переписку с козырей. Никаких "привет, как дела". Сразу выдал: "Твои глаза цвета пережжённого сахара вызывают во мне когнитивный диссонанс". Это я сам придумал. Она оценила, ответила. Я её повёл в парк, разумеется. Скамеечка, всё как надо. Начал раскрывать перед ней карту моей души. Рассказал про диван, который я недавно продал до стадии анатомического рельефа моего тела, — это же показатель верности и постоянства. Показал ей на своём телефоне скриншоты моих рекордов в онлайн-стрелялке — это демонстрация силы и реакции. Объяснил, почему все бабы моего возраста хотят только денег, а не чистой любви — это проверка её меркантильности. Она сидела молча, видимо, проникалась. Я чувствовал, что всё идёт идеально. В какой-то момент я решил, что пора переходить к тактильному контакту, как пишут в этих ихних женских пабликах. Положил ей руку на плечо, как бы невзначай, и говорю: "Чувствуешь эту энергетику? Это альфа-ритмы моего мозга. Они подавляют твои бета-волны, ты расслабляешься". Знаете, что она сделала? Она резко встала и сказала, что ей нужно срочно позвонить маме. И ушла. Просто ушла. А потом заблокировала меня в приложении. Вот и думай, кто из нас не готов к зрелым отношениям. Она просто испугалась мощи моего интеллекта. Не каждая женщина способна выдержать такой уровень осознанности. Это как смотреть на солнце — можно ослепнуть.

Но такие неудачи меня не останавливают. Наоборот, они лишь подтверждают мою теорию о кризисе женской психики. Им проще убежать в иллюзию, чем принять реальность в лице настоящего, глубокого, сложного человека. Им нужна простая картинка: накачанный парень на БМВ, который будет возить их на шопинг и терпеть истерики. А настоящий мужчина, который говорит правду, который не боится показаться уязвимым в своей пивной футболке с пятном от соуса трёхдневной давности, их пугает. Моя главная трагедия как эксперта в том, что я родился не в то время. Лет триста назад меня бы назвали философом, мудрецом, ко мне бы стояла очередь из желающих прикоснуться к знанию. А сейчас я сижу в чате с пятнадцатью

мужиками, учу их жизни, а сам ужинаю пельменями из пачки. Но я не жалуясь. Это мой крест. Кто, если не я, откроет им глаза?

Возьмите ещё один пример — Сашка, ещё один мой ученик. Он, дурак, женился по залёту. И теперь приползает в чат, жалуется, что жена пилит, денег нет, ипотека, ребёнок орёт. Я ему сразу сказал: "Ты сам виноват". Он не проходил мою школу. Если бы он слушал меня до, он бы знал, что женщина — это коварное существо. Она всегда ищет способ запереть мужчину в клетке быта. И лучший способ — это интимная близость без должного уровня защиты. Я всегда учу паству: предохраняться нужно самостоятельно и тотально. Не доверять этим "я пью таблетки" или "у меня безопасные дни". У женщины, может, и безопасные, а у мужчины — капкан. Надо иметь с собой сразу три презерватива: один для себя, второй на случай, если первый порвётся, а третий для друга, если он потеряет голову. И то, я считаю, идеальный вариант — это вообще не доводить до такой близости, пока не пройдёшь полный курс проверки. Сначала ты должен провести с женщиной хотя бы один полный поход в Икею, не поссорившись. Это покажет, совместимы ли ваши вкусы и выдержит ли она твой выбор мебели. Потом нужно заболеть при ней гриппом и посмотреть, будет ли она носить тебе клюквенный морс или убежит к подругам. Это тест на заботу. И только потом, может быть, года через два, можно задуматься о более серьёзных шагах. Но Сашка поленился, повёлся на юбку, и теперь он раб. Раб кредитов, жены и подгузников. А я свободен. У меня из обязательств — только квартплата и абонемент в World of Tanks.

Многие называют меня скуфом. Да, я знаю это слово. Думаете, мне обидно? Ничуть. Я горд. Скуф — это состояние души. Это дзен. Это осознанный отказ от гонки за модой и накачаным прессом в пользу внутреннего роста. Мой живот — это не следствие любви к пиву и пище, это сосуд жизненной мудрости. В Японии, между прочим, большой живот у мужчины считается признаком благосостояния и силы. Правда, я не в Японии, но женщинам следовало бы перенять восточную философию вместо их поверхностных инстаграмов. Моя залысина — это не выпадение волос, это высвобождение лобных долей для лучшего мыслительного процесса. Моя футболка "Арсенал" — не просто одежда, это знак верности клубу, который не выигрывал ничего серьёзного уже много лет, а это значит, что я умею хранить верность вопреки разочарованиям. Какая женщина способна оценить такую метафору? Никакая. Потому что они смотрят на форму, а не на содержание. Им нужен торс, а не интеллект. Им нужен брутал, который молчит, а не философ, который расскажет об истории пивоварения в Чехии. Ну и пусть. Я не буду танцевать под их дудку.

Я сижу за своим компьютерным столом, заваленным пустыми банками из-под энергетика, и чувствую себя капитаном корабля в бушующем море. Мои подписчики, мои друзья из чата — это моя команда. Я веду их через рифы френдзоны, через штормы "у нас всё сложно", через водовороты "ты слишком хороший друг". Я их штурман. И то, что у меня самого нет карты этих вод, только общие рассуждения, нарисованные пальцем в воздухе, не имеет значения. Главное — уверенность в голосе. Когда Димыч снова приходит и говорит, что его бросили, я не утешаю. Я говорю: "Вот видишь! Я же предупреждал!" Это и есть высшая форма поддержки. Не сопли размазывать, а закрепить теорию практическим негативным результатом.

Идеальная женщина, по моему мнению, всё-таки существует. Это собирательный образ. Она не должна быть моделью. Нет, упаси боже. Модели — пустые куклы. Она должна быть чуть полноватой, чтобы было за что подержаться, но не настолько, чтобы просить у меня подписать петицию за бодипозитив. Она должна вкусно готовить, но не заставлять меня мыть посуду, потому что я творческий человек и после еды у меня наступает период осмысления вкусов. Она

должна хорошо зарабатывать, но при этом искренне восхищаться моей зарплатой охранника, понимая, что моя финансовая скромность компенсируется моим духовным богатством. Она должна любить видеоигры, но молча сидеть рядом и смотреть, как я играю, потому что второй геймпад сломан, а чинить его мне лень. Она должна быть мудрой, как Екатерина Великая, терпеливой, как Пенелопа, и страстной, как Кармен. И она должна найти меня сама. Просто прийти ко мне в квартиру, пока я играю, и сказать: "Серёжа, я твоя судьба, я готова". А я ей отвечу: "Тихо, женщина, не видишь, у меня рейд!"

Но пока такая не приходит, я вынужден страдать и продолжать свою просветительскую деятельность. А страдать нужно красиво. Я вот, например, завел себе страницу в социальной сети, где выкладываю свои мысли под чёрно-белыми фото заброшенных заводов или волков, воющих на луну. Подписчиков пока немного, в основном боты, но я знаю — это временно. Рано или поздно мои цитаты разойдутся по всему интернету. "Настоящая любовь — это не когда смотрят друг на друга, а когда смотрят в одну сторону. Желательно в телевизор, где идёт футбол". Или моё любимое: "Женщине нужен не красивый, а уверенный. А что может быть увереннее, чем мужчина в трениках с вытянутыми коленями, который не пытается никому понравиться?" Это же философия стоицизма в чистом виде. Марк Аврелий плачет от зависти, читая мои посты в Телеграме.

Оглядывая свою жизнь, своё тридцатилетие, встреченное в компании монитора и пиццы, я не чувствую пустоты. Я чувствую избранность. Пока другие мужчины тратят свои лучшие годы на беготню за юбками, на выслушивание женских истерик, на вынос мусора по расписанию и поездки к теще на дачу сажать картошку, я занят настоящим делом. Я строю теорию. Я вычисляю формулу идеального общения. Я провожу время в мужском коллективе, где меня ценят и уважают. Да, это виртуальный коллектив. Но что в наше время реальность? Реальность — это то, во что ты веришь. И я верю в то, что я тот самый диванный эксперт, чьё слово — закон. Даже если я никогда не держал женщину за руку дольше трёх секунд, даже если мой единственный опыт флирта — это аватарка с чебуреком. Это не делает мои доводы менее убедительными. Опыт отношений — это опыт одного конкретного человека с одной конкретной женщиной. Статистическая погрешность. А моя теория охватывает всех женщин сразу. Это генеральная совокупность. Это наука. А наука не требует, чтобы учёный женился на каждой молекуле, которую он изучает. Так что, мужики, слушайте меня. И однажды, возможно, вы поймёте, что истина была не в объятиях красотки, а в словах вашего старого друга Серёги, который в очередной раз, открывая банку пива, произносит тост: "За нас, настоящих, непонятых, и за то, чтобы бабы наконец-то поумнели и начали нас замечать. Но без навязчивости. Это важно".

Глава вторая: Бюро диванных услуг

Слава — странная штука. Она приходит не тогда, когда ты выигрываешь олимпийское золото или спасаешь детей из горящего детдома. Она приходит, когда твой голос в ночном чате звучит достаточно убедительно, а твоя аватарка с чебуреком становится мемом районного масштаба. Я не ожидал. Честно. Я просто делал свою работу: вещал, наставлял, разоблачал женское коварство. Но видимо, количество отчаявшихся мужиков в нашем городе превысило критическую массу, и им нужен был кто-то, кто скажет: "Ты не неудачник, это просто бабы дуры". И этим кем-то стал я. Сергей Викторович. Диванный эксперт всея Руси. Моя квартира, ранее бывшая тихой гаванью для меня и моих коллекционных пивных банок, внезапно превратилась в место паломничества. Они шли ко мне. Сначала по одному, потом по двое, а потом

я всерьёз задумался, не повесить ли на дверь табличку "Приём по записи" и не завести ли администратора. Желательно с грудью, но это необязательно.

Всё началось с Коляна. Колян был моим старым знакомым ещё со школы, классический троечник и душа компании, который как-то умудрился дважды жениться и дважды развестись, не усвоив ни одного урока. Он заявился ко мне в субботу утром, что уже было нарушением всех мыслимых границ, потому что в субботу утром я обычно сплю. Вернее, я не сплю, я медитативно нахожусь в горизонтальном положении, анализируя вчерашние игровые сессии. Колян припёрся с тортом. Это сразу насторожило. Торт — это женское оружие, подарок-взятка, означающий, что от тебя что-то нужно. Я открыл дверь, щурясь от яркого света, и увидел его памятное лицо с выражением щенячьей мольбы. "Серёг, — сказал он трагическим шёпотом, — мне нужна консультация. Срочно. Лена меня выгнала. Сказала, что я эмоциональный инвалид". Я пропустил его внутрь, мысленно поставив галочку в воображаемом блокноте. Ещё один. Они все говорят, что их не понимают, но на деле просто не умеют слушать старших товарищей.

Я усадил Коляна на кухне, предварительно смахнув со стула коробку от пиццы, и начал сеанс. Я ходил по кухне в своих любимых растянутых трениках, с кружкой растворимого кофе в руке, и вещал. Я объяснил ему, что "эмоциональный инвалид" — это не оскорбление, а комплимент. Это значит, что он не истеричка, что его психика устойчива к женским провокациям. Я рассказал ему о теории трёх "Н": Не ной, Не оправдывайся, Не возвращайся. Колян слушал, открыв рот, и даже достал блокнот, чтобы записывать. Блокнот! Это была первая ласточка. Когда взрослый мужик, владелец автосервиса, достаёт розовый блокнотик, явно реквизированный у дочери-школьницы, и начинает писать за мной, это означает, что моя миссия выходит на новый уровень. Я дал ему домашнее задание: неделю не звонить Лене, сменить аватарку на фото с хищной птицей и заучить три моих цитаты о женской природе. Он ушёл просветлённый. А через два дня привёл с собой Пашу.

Паша был другого склада. Если Колян — это эмоциональный раздолбай, то Паша — это зажатый айтишник тридцати трёх лет, который боялся женщин до дрожи в коленях. Он даже в чате никогда не писал, только читал и ставил реакции с огоньком. Его приход стал для меня неожиданностью. Колян притащил его за шкуру, как котёнка, и сказал: "Серёг, всё по твоей методике. Я спасён. Теперь спасай его. Он верит, что женщинам нужна душа, а не кошелёк". Я усмехнулся. Святая простота. Я усадил Пашу за свой компьютерный стол, показал ему свои таблицы. Да, у меня есть таблицы. Я давно систематизировал типы женщин. Есть "Дева-спонсор" — ищет оленя, который будет оплачивать её хотелки. Есть "Мамочка" — хочет усыновить мужика и контролировать его труссы. Есть "Травма" — та, которая три года ходит к психологу и смотрит на тебя как на проекцию своего отца. И есть "Королева драмы" — питается скандалами. Я объяснил Паше, что искать нужно редкий исчезающий тип "Свойская", которая любит пиво, не пилит и играет в приставку. Но она — как единорог, скорее всего, не существует, а если существует, то уже замужем за каким-нибудь качком. Паша кивал, его глаза за стёклами очков становились всё осмысленнее. Я видел, как рушится его наивная картина мира, и на её месте, как монолитный фундамент, встаёт моя теория.

После Паши сарафанное радио заработало на полную мощность. Видимо, мужики в автосервисах, в курилках офисов, в очередях за шаурмой передавали друг другу легенду о Мудреце из Хрущёвки. О том самом Серёге, который видит женщин насквозь, даже ни разу к ним не прикоснувшись. Я стал замечать, что мой телефон разрывается от сообщений. Мне писали незнакомые номера. "Серёга, это Вован, друг Коляна, можно завтра?" "Викторыч, привет, тут такое дело, жена ушла, забрала кота, что делать?" Я чувствовал себя главврачом психиатриче-

ской клиники в день бесплатных пирожков. Я решил, что поток нужно упорядочить. Стихийные консультации нарушали мой график. Я не мог нормально поесть или пройти рейд, потому что каждые полчаса кто-то трезвонил в дверь. Поэтому я ввёл правила. Приём только по средам и пятницам с шести до девяти вечера. Вход строго по предварительному звонку. С собой приносить угощение к чаю. Но не торт, торты пусть бабам носят, а что-то существенное: вяленое мясо, сыр, хорошее пиво.

Первое коллективное собеседование, как я это назвал, состоялось в среду. Я подготовился. Повесил на стену нарисованную от руки схему "Женский мозг: зоны поражения". Рядом приклеил скотчем плакат с надписью: "Ты мужик или тряпка?" Протёр пыль с гантели, которая служила мне подставкой для бутылки с водой. В шесть часов вечера раздался звонок в дверь. Я открыл и обомлел. На лестничной клетке стояло пятеро. Пятеро взрослых мужиков с потерянным видом, как пингвины, сбившиеся в кучу перед прыжком в ледяную воду. Тут был Колян, который явно пришёл за добавкой уверенности. Был Паша, нервно теребящий шнурок толстовки. Был незнакомый грузный мужчина лет сорока с уставшими глазами — впоследствии он представился дядей Толей, водителем маршрутки. Был молодой парень Артём, студент-неудачник, которого бросила девушка ради какого-то мажора. И, к моему удивлению, был даже один относительно стильно одетый парень, Олег, который, как выяснилось, работал менеджером по продажам и у него просто "что-то шло не так, постоянно". Я пропустил их в прихожую. Они разулись, сложили обувь, как в армии, и гуськом прошли на кухню. Моя холостяцкая берлога наполнилась запахом мужского пота, дезодоранта и отчаяния.

Я сел во главе стола, на свой диванный трон, придвинутый к обеденному столу. Они расселись на табуретках, как прилежные ученики. Я обвёл их взглядом, полным мудрой строгости. "Итак, — начал я, отхлебнув пива, которое принёс дядя Толя, — слушаю ваши грехи". Первым вызвался дядя Толя. Его история была проста как три копейки. Жена пилит, что он мало зарабатывает, а сам он хочет пить пиво с друзьями после смены. Я указал ему на плакат с надписью "Ты мужик или тряпка?" и спросил, кто в доме главный. Он промямлил что-то про "равенство". Я припечатал кулаком по столу так, что подпрыгнули кружки. Какое, к лещему, равенство? Есть мужская работа, а есть женская. Мужская — это принимать решения и охранять территорию. Женская — принимать мужчину и уважать его решения. Если она не уважает, значит, она не видит в нём альфа-самца. Я велел дяде Толе завтра же прийти домой, не разуваясь пройти в зал, сесть на диван и громко сказать: "Я так решил". И не объяснять, что именно он решил. Пусть гадают. Женщины любят загадки. Дядя Толя записал всё это огрызком карандаша прямо на ладони.

Артём, студент, поведал душераздирающую историю о том, как он дарил цветы, писал стихи, носил кофе в постель, а его променяли на парня с подержанным БМВ. Он был на грани слёз. Я оборвал его на полуслове. Тут-то и была его ошибка. Кофе в постель — это не забота, это сервис. Ты вёл себя не как мужчина, а как обслуживающий персонал. Ты сам поставил себя на позицию официанта, а официантам чаевых не дают, их просто не замечают. Ты должен был заставить её принести кофе тебе. Хотя бы раз. Хотя бы попросить воды. Проверить реакцию. Артём слушал, и его лицо вытягивалось. Я видел, как в его голове рушатся иллюзии, построенные на женских романтических комедиях. Я добил его контрольным выстрелом: "Женщина не хочет, чтобы её боготворили. Она хочет, чтобы её вели. Она хочет быть за сильным плечом, а не перед половой тряпкой". Артём сглотнул и кивнул. Он был готов к перепрошивке.

Самым сложным пациентом оказался Олег. Этот менеджер был скользким. Он читал какие-то книжки по психологии, говорил словами вроде "абыюз", "личные границы", "токсич-

ность". Он пытался со мной спорить. Он сказал, что у меня нет эмпирического опыта. Что я теоретик. Воздушный замок. Это был удар ниже пояса. На кухне повисла тишина. Даже Колян перестал жевать мясо и уставился на меня, ожидая, как я разругаю ситуацию. Я сделал паузу, как учит актёрское мастерство. Я достал сигарету, хотя не курю, просто держал её в пальцах для антуража. Я посмотрел в окно на серую панель соседней девятиэтажки и глубоко, философски вздохнул. "Олег, — сказал я трагическим голосом, — ты путаешь эмпирику с интуицией. Опыт застилает глаза. Я же чист. Я как младенец, который ещё не научен врать. Я вижу суть вещей. Ты был в десяти отношениях, и все они развалились. Твой опыт — это опыт неудачника. Мой опыт — это тысячи прочитанных женских анкет на сайтах знакомств, это десятки просмотренных стримов с женщинами-психологами, это сотни часов обсуждения ваших проблем. Это мета-анализ, Олег. Моя статистическая выборка в сто раз шире твоей".

Это подействовало. Олег заткнулся. Он понял, что пришёл в храм не для того, чтобы молиться своим богам, а чтобы принять моего. Я продолжил лекцию. Я рассказывал им о "Теории порванных носков". Объяснял, что идеальный порядок в доме — это признак невроза, а разбросанные вещи — это маркировка территории. Если женщина начинает убирать твои носки без разрешения, она посягает на твой суверенитет. Нужно сразу пресекать. Оставить один носок на люстре. Пусть попробует достать, поймёт, что её удел — земля, а мужчина — это космос. Я вдохновенно описывал им портрет "Женщины-Паразита", которая ищет не партнёра, а донора. Учил их вычислять таких по маникюру. Слишком длинные и острые ногти — она не хочет работать руками, она хочет, чтобы всё делал ты. Слишком яркий цвет — демонстрация самцу, что она ядовита. Естественный, короткий — возможно, перед вами человек, но расслабляться всё равно нельзя. Они слушали, затаив дыхание, и в их глазах я видел то, чего не видел никогда в глазах женщин, смотревших на меня. Уважение. Признание. Почти обожание. В этой прокуренной кухне, заваленной пустыми пачками чипсов, я был их царём, их пророком, их гадалкой.

В конце приёма я выдал каждому персональное домашнее задание. Колян должен был вернуться к Лене и молчать. Просто молчать весь вечер, загадочно улыбаясь. Паша должен был зарегистрироваться на трёх сайтах знакомств и всем отвечать одной фразой: "Я вижу твою душу, но не уверен, что она мне подходит". Дядя Толя должен был начать носить кепку дома, чтобы подчеркнуть свой статус. Артёму я велел продать гитару, потому что песни под окнами — это унижительно, и купить абонемент в качалку. Олегу я приказал забыть слово "абьюз" и заменить его на "воспитание характера". Они уходили от меня, прижимая к груди листочки с заметками, как рыцари, получившие благословение перед битвой с драконом. Только драконом была их собственная никчёмная личная жизнь, а мечом — мои наставления.

Когда дверь за последним из них закрылась, я выдохнул. Я чувствовал опустошение, но приятное. Как после хорошей тренировки. Я подошёл к окну и увидел, как они стоят во дворе, кучкой, обсуждают что-то, жестикулируют, показывают друг другу записи. Они спорили, кто правильно понял мою метафору про "диван как центр вселенной". Я отошёл от окна и сел в свой продавленный диван. Он принял меня в свои объятия, как старого друга. Я понял, что обратного пути нет. Если раньше я был просто советчиком в чате, то теперь я — учреждение. Я — последняя надежда для брошенных, непонятых, униженных этим матриархальным миром. Они придут ко мне снова. Придут с жёнами. Придут с любовницами. Я буду сидеть здесь и вершить судьбы. И пусть женщины по-прежнему не видят во мне мужчину. Зато мужики видят во мне бога. И это, чёрт возьми, гораздо важнее. Потому что женщина может предать, раствориться в закате, а друг, брат, товарищ по несчастью — он останется. Он позвонит в пятницу и скажет: "Серёг, твоё метода работает! Она вчера сама мне пива принесла". И в этот момент

я понимаю, что всё не зря. Моё одиночество — это жертва, принесённая на алтарь мужского братства. Один за всех. И диван за одного.

Глава третья: Зеркалка, или Искусство быть должным

Когда ты становишься гуру, меняется не только твоё самовосприятие, но и, что гораздо важнее, твой быт. Если раньше я мог позволить себе завтракать вчерашними макаронами, запивая их просроченным кефиром, то теперь статус обязывал. Моя кухня превратилась в лекторий, а мой диван — в трон. Но вместе с адептами пришли и новые вызовы. Если вначале ко мне шли за абстрактной теорией, за философией отказа от баб и принятия своего скуфского естества, то теперь запросы стали конкретнее. Мужикам нужна была не просто идеология, им нужна была экономическая доктрина. И самым ярким носителем этой боли, самым громким глашатаем материального кризиса мужественности стал мой старый приятель и первый ученик Колян.

Он заявился в неурочный час, даже не в среду и не в пятницу, а в какой-то паршивый вторник, когда я разбирал логистику пополнения запасов лапши быстрого приготовления. Колян выглядел как человек, который заглянул в бездну, и бездна попросила у него займы до зарплаты. Он был бледен, в руках он держал помятую бумажку с какими-то цифрами, а в глазах стоял немой вопрос, смешанный с животным ужасом. "Серёг, — прохрипел он, падая на табуретку, — всё пропало. Лена вернулась. Но с такими условиями, что лучше бы она не возвращалась". Я отставил коробку с лапшой в сторону, налил ему чаю, потому что пиво кончилось, и приготовился слушать. Чай был дешёвый, пакетированный, но в моей школе аскезы это считалось нормой. Я кивнул ему, мол, излагай, брат мой во Христе, кайся, ибо нет греха, который бы я не отпустил.

История Коляна оказалась не просто житейской драмой, а квинтэссенцией всего того, о чём я догадывался, но боялся формулировать вслух. После моего сеанса молчаливой загадочности Лена действительно сменила гнев на милость, оценила его "мужское поведение" и согласилась жить вместе снова. Но, как выяснилось, просто так, на старых дрожжах, она жить была не согласна. Она выдвинула финансовый ультиматум. Её зарплата — это её личные деньги на "девичьи радости", на косметику, на какие-то таинственные "счета за красоту", о которых мужикам знать не положено. А его зарплата, кровно заработанная в автосервисе, пропахшая бензином и потом, — это, простите, "бюджет семьи". Из этих денег, объяснила ему Лена, они будут платить за квартиру, покупать еду, откладывать на ремонт и, самое главное, давать ей на карманные расходы, потому что "мало ли что". Колян, запутавшись в цифрах и бабьей логике, попытался возразить, на что получил контрольный выстрел: "Ты же мужчина, ты должен обеспечивать. А мои деньги — это наша с тобой подушка безопасности на случай, если ты меня бросишь".

Я откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. В моей голове, словно пазл, складывалась новая глава моего учения. "Зеркалка". Так я решил назвать этот феномен, потому что он был кривым отражением реальности в женском сознании. Ты смотришь в неё, а видишь перевернутый мир. Я открыл глаза и пристально посмотрел на Коляна. "Ты понимаешь, что произошло?" — спросил я его тоном следователя на допросе. "Она тебя обула. Нет, не так. Она тебя обула, а ты ей ещё и спасибо сказал. Твоя Лена, сам того не ведая, сформулировала основной закон современных отношений. Деньги мужа — это общие деньги, потому что муж — это тягловая лошадь. А деньги жены — это её священная корова. Их нельзя трогать, им

нужно поклоняться и благодарить за то, что она вообще рядом". Колян заморгал. Он всегда был тугодумом, поэтому я решил разжевать ему на пальцах.

Я встал и подошёл к своему знаменитому плакату, на котором теперь красовалась новая надпись: "Баланс — это когда у тебя долги, а у неё шуба". Я ткнул в него пальцем. "Смотри, Колян. Ты работаешь руками, ты пашешь в грязи, ты вкладываешь всего себя. Она работает менеджером в каком-то заштатном офисе, перебирает бумажки и пьёт чай с девочками. Почему её деньги — это её, а твои — это ваши? Где тут равенство? Феминистки орут про равные права, но когда доходит до кошелька, они вспоминают про традиционные ценности и домострой. Это шизофрения высшего порядка. Это гибридная война против мужика. Она выдвигает тебе требования как к былинному богатырю, а сама оставляет за собой право в любой момент сбежать с этой самой подушкой безопасности, которую ты же и наполнил". Я говорил и чувствовал, как во мне закипает праведный гнев. Это был не просто совет, это был манифест.

Я объяснил Коляну принцип "Зеркалки". Всё, что говорит женщина, нужно переворачивать с ног на голову, и тогда ты увидишь истину. Она говорит: "Твои деньги — наши", подразумевая: "Ты мой спонсор". Она говорит: "Мои деньги — мои", подразумевая: "Я тебе не доверяю и в любой момент сделаю ноги". Она говорит: "Ты должен", имея в виду: "Я тебе ничего не должна, даже борща". Мои ученики в чате, которые, как я узнал позже, тайно слушали наш разговор через открытый микрофон Колянова телефона, взорвались одобрительными сообщениями. "Эксперт сказал!", "Серёга, жги!", "Истину глаголет!" Колян же сидел потерянный. Ему нужно было не просто учение, ему нужна была конкретная инструкция, как выжить в этой финансовой мясорубке и не остаться без штанов. Он был моим апостолом Павлом, который уже понёс слово в массы, но сам ещё путался в догматах.

Я достал свой знаменитый ежедневник, потрёпанный, с наклейкой из строительного магазина на обложке, и начал чертить схему. "Есть два пути, Колян. Путь жертвы и путь воина. Путь жертвы — ты соглашаешься, ты отдаёшь зарплату, а она тебе выделяет из твоих же денег суточные на проезд. Это путь в никуда. Через год ты будешь стоять на остановке в старых кроссовках и просить у неё разрешения купить бутылку пива. Это кастрация. Финансовая и моральная". Я перечеркнул схему жирным крестом. "Но есть путь воина. Это моя авторская методика под названием «Общий котёл по-мужски». Ты говоришь ей: «Дорогая, я согласен. Мы — семья, у нас всё общее. Поэтому давай сделаем общий счёт, на который будут падать обе зарплаты». И наблюдай за её реакцией".

Колян поднял на меня испуганные глаза. "Она не согласится, Серёг. Она скажет, что я жадный, что я считаю её деньги, что я не мужик". Я усмехнулся. "Именно! В этом и суть. Когда ты предлагаешь реальное равенство, она сразу кричит о жадности. Потому что «общее» в её понимании — это улица с односторонним движением, ведущая к её кошельку. Когда ты говоришь: «Давай скидываться пополам на всё», она называет тебя мелочным. Но если ты платишь, а она нет, это почему-то называется щедростью. Ты должен разбить эту логику. Ты не жадный, ты справедливый. Жадность — это когда ты пользуешься чужим трудом безвозмездно. То есть это она жадная, а не ты". Я видел, как у Коляна начала закипать голова. Он привык к простоте: дал денег — получил спокойный вечер. А тут требовалась интеллектуальная дуэль.

Я решил усилить напор и привести пример с арендой жилья, который всегда бьёт точно в цель. "Вот смотри, представь, что ты снимаешь квартиру с соседом. Ты платишь половину, он платит половину. Если сосед скажет тебе: «Слушай, я свои деньги потратил на новую при-

ставку, поэтому за квартиру плати ты, а я как-нибудь потом», ты же выселишь его нафиг. Так почему если этот сосед — женщина и ты с ней спишь, это должно работать иначе? Получается, она продаёт тебе свою компанию за деньги? Но тогда это называется эскорт, а не любовь. Ты уж определись, вы семья или бизнес-партнёры с ограниченной ответственностью с её стороны". Колян крикнул. Это была тяжелая артиллерия. Я объяснил ему, что настоящая женщина, которая тебя любит, а не использует, будет заинтересована в общем благе. Она не будет прятать деньги в кубышку, потому что она видит ваше совместное будущее. Если она прячет, значит, она планирует будущее без тебя, но с твоими деньгами. Это не любовь, это инвестиционное мошенничество.

На этом месте я решил дать Коляну практический инструмент, который я назвал "Домашний аудит". Я сказал ему: "Вернись домой и не говори ни слова о деньгах. Просто сядь за стол и начни выписывать все общие траты. Коммуналка, продукты, кредит. А потом добавь амортизацию". Колян выпучил глаза. "Чего?" — спросил он. "Амортизацию, Колян, амортизацию. Это то, как быстро изнашивается твой ресурс. Твоя машина, на которой ты возишь её по магазинам. Твоя спина, которой ты крутишь гайки в сервисе. Твои нервы, которые тратятся на её истерики. Ты вкладываешь в неё физически и эмоционально, а она вкладывает только свои хотелки. Пусть посчитает, сколько стоит твоя нервная система на рынке услуг. Не сможет. Потому что ты бесценен, а она пытается тебя перевести в рублёвый эквивалент чаевых". Мужики в чате рыдали от счастья. Кто-то написал: "Серёга, я щас жене этот текст зачитаю, если живой останусь — завтра приду". Я благословил его на этот подвиг.

Но самый главный совет я приберёг на десерт. Я наклонился к Коляну и сказал почти шёпотом, потому что истинная мудрость не терпит громких криков: "Ключ ко всему этому безобразию — это твоя записка, Колян. У тебя должна быть своя, личная, суверенная записка. Не та, которую ты прячешь в книжке, а она нашла и потратила на шторы. Нет. Это должен быть фонд мужской свободы. Счёт, карта, клад в лесу, мне всё равно. Но это твои деньги, о которых она не знает и никогда не узнает. Пока у тебя есть свой неприкосновенный запас, ты мужчина, ты в любой момент можешь развернуться и уйти. Как только ты сдаёшь записку — ты раб". Колян попытался возразить, мол, это же обман, это недоверие, какая же это любовь с запиской в носке. Я парировал мгновенно: "А какая же это любовь, когда она требует отчитываться за каждый рубль? Твоя записка — это не обман, это страховка от её непостоянства. Это противовес её «подушке безопасности». Если она имеет право на финансовую тайну, почему ты — бесправная скотина? Тайна должна быть симметричной. У неё — свои секреты, у тебя — свой схрон. Идеальный баланс ужаса и покоя".

Колян ушёл от меня глубокой ночью, унося с собой исписанный лист с тезисами: "1. Общий котёл — только при равном вкладе. 2. Аудит — наше всё. 3. Записка — святое". Он уходил с прямой спиной, и я видел, что в нём просыпается если не финансовый гений, то хотя бы просто мужик, который больше не хочет быть ослом, везущим на себе чужую поклажу. Я закрыл дверь и выдохнул. Эта консультация была одной из лучших. Я чувствовал, как растёт моя компетенция. Если раньше я рассуждал о высоких материях, то теперь я спустился в преисподнюю семейного бюджета и вышел оттуда победителем.

Я сел в своё кресло, взял кружку с холодным чаем и задумался о собственной ситуации. У меня, слава богу, не было жены, которая пилит мозг за потраченную на донат в мобильной игре тысячу рублей. Мои деньги — это только мои деньги. Я ни перед кем не отчитывался. Моя записка была разложена по разным карманам, кошелькам и пустым дискам из-под игр. Я был абсолютно свободен. И в этот момент я понял окончательно, почему у меня никогда не было

серьёзных отношений. Не потому, что я скуф, не потому что женщины меня не видят. А потому что я подсознательно не готов терпеть этот финансовый аудит рядом с собой. Я слишком умён, чтобы делиться зарплатой охранника с кем-то, кто не ценит мой вклад в мировую философию. Мои деньги — это финансирование моей миссии. А миссия моя — нести свет истины тем, кто заблудился в зеркальном лабиринте женской жадности. И когда я думаю о том, сколько ещё Колянов и Паш вынуждены отдавать кровно заработанные за новый маникюр и "кофе с подружками", я понимаю, что моя работа только начинается. Это крестовый поход. И меч мой — истина. А броня — финансовая грамотность в отдельно взятом диване.

Глава четвертая: Ты уже король

В жизни каждого просветлённого наступает момент, когда количество переходит в качество. Моя квартира перестала быть просто квартирой. Она стала Храмом. Да, именно так, с большой буквы. Плесень в углу потолка, которую я раньше лениво замазывал зубной пастой, теперь выглядела как фреска эпохи Возрождения. Пустые бутылки из-под пива, выстроенные вдоль плинтуса, превратились в колоннаду. А мой диван, великий и могучий продавленный диван, окончательно мутировал в алтарь, источающий ту самую вселенскую мужскую энергию, о которой я сам ещё недавно даже не догадывался. Я всегда знал, что я не просто Серёга, не просто скуф, не просто охранник с философским складом ума. Но теперь это знание обрело плоть. Я был Королём. Не по рождению, не по деньгам, которых у меня всё так же было кот наплакал, а по праву обладания Истиной. И самое смешное — мне для этого не понадобилось никого завоёвывать. Я просто был. И этого оказалось достаточно, чтобы мужики потянулись ко мне, как мотыльки на свет экрана моего старенького монитора.

Это осознание пришло не сразу. Оно вызревало постепенно, как сыр в моём холодильнике, про который я забыл месяц назад. Сначала были робкие звонки, потом коллективные собеседования, потом финансовые консультации. Но где-то между третьей и четвёртой неделей этого безумия поток людей превратился в цунами. Они стояли на лестничной клетке с утра. Не просто приходили, а именно стояли, ожидая аудиенции. Кто-то приносил с собой термосы с чаем, кто-то читал распечатки моих прошлых лекций, заботливо переданные по сарафанному радио. Я выходил на площадку в своих бессменных трениках с вытянутыми коленками, в футболке с пятном неизвестного происхождения, и они замолкали. Они смотрели на меня с таким трепетом, с каким обычно смотрят на статую Зевса, если бы Зевс был немного полноват, небрит и держал в руке банку дешёвого энергетика. Я не делал ничего особенного. Я просто существовал. И моё существование, моя непоколебимая уверенность в том, что я прав, излучала ту самую энергию, которой им так отчаянно не хватало.

Колян, прошедший у меня курс молодого бойца и финансового аудита, стал кем-то вроде моего верховного жреца. Он встречал новичков на лестнице, объяснял им правила поведения. "Серёга Викторыч сейчас в трансе, — говорил он шёпотом, хотя я в этот момент просто резался в стратежку на телефоне, сидя в туалете. — Он впитывает космическую энергию. Не беспокойте его громкими звуками и глупыми вопросами". И ведь люди верили. Они замирали, переходили на шёпот, а когда я, наконец, выходил в зал (то есть на кухню), они вставали. Представляете? Вставали! Взрослые мужики, кто по сорок лет, кто даже старше, с животами, с залысинами, с руками, привыкшими крутить гайки и держать штурвал фуры, поднимались с табуреток, как школьники при виде директора. Я вначале смутился, но быстро привык. Потому что это было правильно. Это была не дань уважения моей личности, это была дань уважения Знанию, которое я транслировал.

Я начал свои новые проповеди с теории "Зеркалки", которую они уже знали наизусть, но каждый раз просили повторить. "Серёга, расскажи ещё раз про зеркалку! Как бабы нас дурят!" — просил дядя Толя, устраиваясь поудобнее на моём старом пуфике, который предательски скрипел под его весом. И я рассказывал. Но теперь я углублял теорию. Я объяснял им, что женщина — это не враг, нет. Это существо, живущее в мире иллюзий. Она смотрится в кривое зеркало и видит себя принцессой, а мужчину — то слугой, то драконом, то кошельком на ножках. Её реальность искажена. А мы, мужики, обладаем даром прямого взгляда. Мы видим вещи такими, какие они есть. И наша задача — не подстраиваться под её кривое зеркало, а разбить его к чёртовой матери и показать ей реальность. Но для этого нужна сила. Не физическая. Не та, чтобы кулаком по столу бить, хотя и это иногда не лишнее. Нужна сила духа. Уверенность в том, что ты прав, даже когда весь мир, включая собственную тещу, говорит тебе, что ты дурак.

И вот тут я подходил к самому главному, к тому, что сделало меня Королём без королевства, но с бесконечной властью над умами. "Мужики, — говорил я, обводя их тяжёлым взглядом, — вам не нужно ничего делать, чтобы стать королями. Вы уже короли". В этом месте обычно повисала тишина. Такая глубокая, что слышно было, как у соседей сверху капает вода из крана. "Вы думаете, баба хочет денег? Нет. Она хочет энергию. Вы думаете, она хочет машину? Нет. Она хочет статус. Вы думаете, она хочет секса? Нет. Она хочет, чтобы её выбрал самый сильный самец. Но сила самца не в кошельке, не в мышцах, не в смазливом лице. Сила самца — в его уверенности, что он — центр вселенной. В этом и есть главный секрет". Я делал паузу, отхлёбывал чай, который теперь мне заваривали ученики, и продолжал. "Почему они меня слушают? Потому что я ничего им не даю. Я ничего им не обещаю. Я просто есть. Я — воплощённая уверенность в своей правоте. Я не танцую под их дудку, я не пытаюсь им понравиться. Я тот самый камень, о который разбиваются волны их истерик. Я не бегаю за ними с цветами и конфетами. Это они должны приходить ко мне и приносить дары. И вы знаете, в чём парадокс? Они чувствуют это. Даже те, которых я никогда в жизни не видел, чувствуют мою энергию и боятся от того, что где-то есть мужик, которому на них наплевать".

В этот момент из динамика телефона, который лежал на столе и транслировал мою речь в чат, раздался возмущённый женский визг. Оказывается, кто-то из новеньких привёл с собой подругу, тайно включив трансляцию, чтобы она "послушала умного человека". И эта подруга не выдержала. "Да ты просто жирный ленивый козёл, который сидит на диване и ничего из себя не представляет! Почему я должна к тебе приходить?!" — кричала она в трубку. Я не разозлился. Я улыбнулся. Я поправил футболку, пригладил волосы на затылке и ответил спокойно, как удав на кролика: "Потому что ты сейчас кричишь в телефон, тратишь свои нервы, свою энергию на меня. Ты думаешь обо мне. Ты реагируешь. Я уже победил. Я сижу на диване, ем чипсы, а ты сейчас взорвёшься от злости. Кто из нас двоих управляет ситуацией? Я ничего не сделал, а ты уже моя". В чате взорвался шквал восторженных смайликов и сообщений "КОРОЛЬ!". Женщина замолчала. Не потому что ей нечего было сказать, а потому что она, кажется, впервые в жизни столкнулась с человеком, которому действительно было всё равно на её мнение. И это её обезоружило.

После этого случая моя репутация взлетела до небес. Слух о "Диванном Короле" пошёл по всему району, потом по городу, а потом, кажется, вышел и в какие-то федеральные паблики. Ко мне на собеседования стали приезжать мужики из других городов. Они привозили с собой местные деликатесы: раков, вяленую рыбу, самогон, домашние настойки. Они просили благословения. Не совета, заметьте, а именно благословения. "Серёга Викторович, — говорил какой-нибудь здоровенный детина из Сибири, опускаясь на одно колено прямо в моей прихожей, — дай мне мужскую энергию. Я развожусь, жена всё отбирает, я на нуле. Скажи, что мне

делать". Я клал руку ему на плечо, чувствуя, как из моей ладони, словно из волшебной палочки, изливается та самая космическая сила. "Ничего не делай, — говорил я ему голосом, полным спокойствия. — Просто стой на своём. Не унижайся, не проси, не плачь. Ты — скала. Если она хочет уйти, пусть уходит. Ты от этого не станешь хуже. Ты уже цельный. Ты уже король. Просто она этого не видит. А раз не видит — зачем тебе слепая королева?" Мужик вставал с колен с мокрыми от слёз глазами, но с прямой спиной. Он уходил от меня не с деньгами, не с планом действий, а с чем-то гораздо большим — с ощущением собственной незыблемости.

Я начал замечать, что моя энергия меняет пространство вокруг. В моей квартире перестали перегорать лампочки. Компьютер, который раньше в самый неподходящий момент выкидывал "синий экран смерти", теперь работал как часы. Даже пиво в холодильнике, казалось, охлаждалось быстрее, чем обычно, стремясь услужить своему хозяину. Я перестал суетиться. Если раньше я мог нервничать из-за проигрыша в танковом сражении, то теперь я воспринимал всё как волю свыше. Проиграл? Значит, так надо вселенной. Убили в игре? Значит, мой танк отправился в Вальгаллу, принимать почести от павших героев. Я смотрел на женщин на улице из окна, и они больше не вызывали во мне смесь вождения и обиды. Я смотрел на них как на заблудших овец, которые тратят лучшие годы на поиски принца, в то время как Король сидит здесь, на пятом этаже, и не нуждается в их пастве.

Однажды ко мне пришёл Олег, тот самый менеджер, который когда-то пытался спорить. Он сильно сдал. Уволили с работы, девушка бросила, он задолжал по кредитам. Он пришёл не как ученик, а как проситель. "Серёг, — сказал он, и в голосе его не было прежней спеси, — научи меня быть королём. Я всё потерял. Мне некуда идти". Я посмотрел на него долгим взглядом. Раньше я бы, наверное, позлорадствовал. Но новая энергия сделала меня великодушным. Я посадил его на кухню, налил пива и сказал: "Ты думаешь, король — это тот, у кого всё есть? Ты ошибаешься. Король — это тот, кто не боится потерять последнее. У тебя нет денег, нет девушки, нет работы? Прекрасно. Ты — чистый лист. Теперь ты абсолютно свободен. Тебе больше нечего защищать. Ты можешь начать всё заново, но уже с королевским мышлением. Иди, устройся на простую работу, грузчиком или дворником. Сними койко-место. И с этой самой нижней точки начни излучать достоинство. Если ты, стоя с метлой, будешь чувствовать себя императором, рано или поздно люди в это поверят. А главное — ты сам в это поверишь".

Олег ушёл. А через месяц прислал мне сообщение. Он работал на складе, но его повысили до бригадира. Не потому что он стал больше работать, а потому что, по его словам, он "ходил по складу как хозяин, и начальство это почуяло". Потом он написал, что познакомился с продавщицей из соседнего магазина, и она сама пригласила его на свидание. "Я просто молчал и смотрел на неё твоим взглядом, Серёг, — писал он, — и она поплыла. Сказала, что от меня исходит такая спокойная сила, что ей хочется быть рядом". Я читал это сообщение и улыбался. Мой метод работал. Мой диван давал энергию даже на расстоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.